

Анализ повести Льва Толстого «Казачьи»

Замысел «Казачьих» возник у Толстого под влиянием событий кавказской войны, в которой он принимал непосредственное участие. Толстой сам жил среди своих героев и отразил в своей повести живые впечатления, вынесенные им от пребывания на Терской оборонительной линии. Несмотря на это, повесть обдумывалась и писалась долго, с 1852 по 1862 г. Творческая история её чрезвычайно сложна. В процессе работы над произведением Толстой неоднократно менял его план, форму и идейное содержание, имена и характеры действующих лиц.

По первоначальному плану, возникшему у Толстого в конце октября 1852 г., наблюдения писателя над жизнью казаков должны были вылиться в серию нравоописательно-этнографических «Очерков Кавказа», куда входили и рассказы Епишки (Ерошки из «Казачьих») об охоте, о старом житье казаков и его похождениях в горах. Была намечена среди этих отрывочных очерков и история какой-то казачки. Драматическая картина встречи казачкой тела своего убитого в походе возлюбленного была вскоре описана Толстым, но не в очерке, а в небольшой «казачьей песне». Однако, приступив в августе 1853 г. вплотную к работе над произведением, Толстой оформляет его не как серию беглых очерков и не как казацкую поэму, а как повесть из жизни местного казачества. Он создал «кавказский роман» бытового, нравоописательного характера. В этой первой редакции романа уже намечено столкновение между офицером и казаком из-за Марьяны, здесь — жены казака. Но этому столкновению ещё не придан глубокий социальный смысл, а противопоставленности офицера и народных типов не придано того глубокого значения, которое присуще окончательному тексту повести. Офицер Губков представлен обыкновенным кавказским офицером, для которого ухаживание за Марьянкой — обычное в походной офицерской жизни любовное приключение. В свою очередь Марьяна и молодой казак лишены тех поэтических черт, которые отличают их в позднейших вариантах и в окончательной редакции. Толстой не был удовлетворён этим началом и вскоре приостановил работу над ним на третьей главе, записав 31 августа в дневнике: «Встреча нейдёт как-то».

Перевод в 1854 г. в Дунайскую армию, севастопольская страда и последующие события отвлекли Толстого от кавказской темы. Возврат к ней, намечавшийся в 1855—1856 гг., был осуществлён лишь весной 1857 г. в Швейцарии.

Прекрасная швейцарская природа и обездоленный капиталистической эксплуатацией люд, её населяющий, напомнили Толстому с особенной силой ещё более прекрасную, по его мнению, природу Кавказа и прекрасных, бодрых и сильных его обитателей.

Патриотическое одушевление, охватившее русское общество во время Крымской войны, подъём освободительного движения в стране оставили неизгладимые следы в умонастроении Толстого, ожидавшего «великих перемен» в России. Отвращение к крепостническому гнёту, отрицательное отношение к помещичьему землевладению, укрепившиеся в нём под влиянием общения с добивавшейся земли и свободы крестьянской массой, с одной стороны, и разочарование в западной буржуазной культуре — с другой, по-новому повернули в творческом воображении Толстого казацкую тему.

Роман из кавказского быта, главной особенностью которого был отказ от традиционной романтической трактовки Кавказа, перерастает в социальный роман, ставящий, наряду с вопросом русско-горских отношений, кардинальный вопрос современности о взаимоотношении дворянства и народа.

По плану, определившемуся более чётко позднее, сюжет должен был сложиться следующим образом:

Первая часть: приезд офицера, увлечение его Марьяной, военная тревога, ранение молодого казака.

Вторая часть: женитьба выздоровевшего казака на Марьяне, ухаживание офицера за Марьяной, вспышка ревности у казака, ударившего офицера ножом; бегство казака в горы.

Третья часть: ^ возвращение офицера, пережившего в Тифлисе, роман с княгиней Воронцовой, в станицу; связь его с Марьяной; поимка пришедшего тайком в станицу мужа Марьяны, казнь его и смерть офицера, убитого не то Марьяной, не то любящим её солдатом.

Первоначальную редакцию 1853 г. — кавказскую повесть нравоописательного характера — сменяют в 1857 г. варианты, написанные или в духе казацкого героического эпоса, возвышающего народные типы, или в плане бытовой повести из казацкой жизни Героем этих вариантов (11 — 14, 7—8, по описанию А. Е. Грузинского в 6 томе юбилейного издания)¹ является молодой казак, то Терёшка Урван, научившийся от Брошки «всему казачьему молодчеству», то Кирка, «ещё совсем молодой, очень красивый казачонок», в чертах которого «заметно что-то ранне спокойное и изящное». Вскоре после женитьбы на Марьяне казак в минутной вспышке «пырнул ножом» офицера, продолжавшего преследовать Марьяну своими ухаживаниями, и вынужден был бежать в горы.

Однако, стремясь поставить в повести актуальные вопросы современности, Толстой отказался как от героико-эпической, так и от этнографическо-нравоописательной формы повествования и стал на Путь реалистической повести, продолжающей в идейном и стилевом отношении линию его раннего творчества.

В 1858 г. Толстой создаёт новую редакцию повести, близкую к окончательному тексту (варианты 2—4, по описанию А. Е. ^Грузинского), поставив в начало её предпоследний заграничный вариант («Старое начало хорошо, продолжал немного», записал он в дневнике 24 февраля 1858 г.). Эта редакция содержит двенадцать разработанных глав, начиная с прихода армейских в станицу и кончая письмом офицера о своей жизни среди казаков. Офицер в этой редакции носит имя Дмитрия Андреевича Ржавского; казак — Кирка, товарищ его — Назарка, подруга Марьяны — Устинька (а не Иляс и Стёпка, как в вариантах 1857 г.). Эти главы, объединённые названием «Казачья» (в предыдущих редакциях название было «Беглец», «Беглый казак»), настолько художественно совершенны, что лишь с небольшими поправками легли в основу повести. Вокруг них в течение 1859—1862 гг. нарастает весь остов окончательной редакции. В процессе творческих исканий и переработок повесть оформляется так, как мы её знаем сейчас, с теперешним началом — отъездом героя (на этом этапе — Оленина) из Москвы, оттеснившим главу «Кордон» (вариант 15 ю казаках в секрете и убийстве абрека молодым казаком, здесь впервые названным Лукашкой), являвшуюся в конце 1858 г. началом повести.

В 1862 г. Толстой вынужден был из-за стеснённых денежных обстоятельств отдать своё произведение в «Русский вестник», и в течение этого года он спешно отделал материал первой части, оставив недоработанным рассчитанный на три части роман. Некоторое представление о второй и третьей части романа дают сохранившиеся продолжения повести.

На последней копии Толстой сначала надписал: «Молодость. Кавказ, 1853 г.», объединяя, таким образом, повесть со своей автобиографической трилогией; но это заглавие он зачеркнул и проставил утвердившееся в рукописях повести конца 1857—1858 гг. заглавие «Казачья». Написанное было: «попытка романа» — он также зачеркнул и приписал к заглавию: «Кавказская повесть, 1852 г.».

Таким образом, повесть, создававшаяся с перерывами более десятилетия, с основными приступами к работе в конце 1852

1853 гг., 1857—1858 гг. и 1862 г., особенно интенсивно писалась в 1857—1858 гг., в период демократического подъёма в России, что наложило несомненный отпечаток на идею повести.

Повесть «Казачество» — это повесть о красоте естественной, трудовой жизни на земле, о нравственной высоте русского народа. Мысль о превосходстве народа, его сознания, его трудовой морали* над моральным ничтожеством и опустошенностью дворянства является главной идеей повести.

В этой связи должна быть отброшена глубоко порочная, антиисторическая точка зрения на повесть «Казачество» как произведение, претворяющее идеи Руссо о преимуществе дикого состояния перед цивилизацией и ненужности прогресса. Эта унаследованная от буржуазно-дворянского литературоведения точка зрения, отрывающая повесть от основ русской жизни, от демократического движения эпохи, получила распространение и в советском литературоведении и нашла отражение как в школьных программах, так и в учебниках, хотя имя Руссо в них и не названо.

В центре внимания Толстого не протест против культуры, а противопоставление исконной жизнеутверждающей силы народа, «нашего поильца и кормильца», слабости и ничтожности дворянства, проблема превосходства народа и необходимости сближения с ним.

Содержание повести тесно связано с идейными исканиями Толстого 50—60-х годов, с общественной борьбой этого времени, нашедшей хотя и косвенное и весьма своеобразное, но несомненное отражение в «Казачестве». Недаром Толстой говорил, что «Казачество» — «с сукровицей»¹; они вышли из душевных глубин, писаны Толстым кровью сердца.

Воспевание русского народного характера в «Казачестве», подчёркивание великой моральной силы русского народа, его национальной самобытности, его патриотизма, гражданской и воинской доблести было своеобразным ответом как славянофилам, усматривавшим основные черты русского человека в «терпении, простоте и смирении», так и «западникам», видевшим в крестьянстве «силы полудикие», неспособные к деятельности «самостоятельной и разумной»². Однако Толстой не разделял ни славянофильских упований на крестьянскую общину, ни ориентации на западноевропейское капиталистическое хищничество либералов-западников. Вместе с этим он был чужд и стремлений революционных демократов к крестьянской революции. В поисках положительного идеала народной жизни Толстой, принимавший деятельное участие в спорах о крестьянской общине как форме общественного быта и землеустройства в России, обращается к казацкой общине, в которой он, не замечая её внутренних противоречий, видит классовый мир и гармонию с природой. Идея «Казачества» в значительной мере связывалась Толстым с идеалом «вольной земли», якобы осуществлённым в казацкой общине. Отсюда некоторая идеализация в повести казацкой общины, хотя и не знавшей крепостного права, но всё же бывшей порождением того же помещичьего государства.

Однако эта идеализация, более заметная в подготовительных вариантах, не является определяющей для повести, в которой особенности художественного метода Толстого — жизненный реализм, сочетание тонкой наблюдательности с глубоким знанием предмета — сказались с исключительной силой.

Повышенный интерес к истории родной земли, и в частности к быту, истории и этнографии казачества, повлёк за собой изучение Толстым очерков по военной истории Кавказа («Записки об Аварской экспедиции» Я. Костенецкого и др.), исторических трудов Карамзина, Устрялова и других, собирание им казацких преданий и песен. По свидетельству современников, Толстой писал в 1862 г. о Кавказе, обложившись книгами.

Критическое освоение исторической и этнографической литературы о Кавказе Толстой обогатил обширным запасом собственных наблюдений и создал верный исторической действительности очерк жизни гребенского казачества, любовно описал «этот чисто русский народец, закинутый между полудикими магометанскими племенами, с совершенно русскими, старинно-русскими нравами и обычаями».

Следует особо отметить фольклорную основу повести. Толстой записывал исторические предания и собирал песни казаков. Первоначальный замысел повести под названием «Беглец» напоминает известную Толстому 'казацкую народную песню, говорившую «про старинного джигита-казака, который ушёл в далёкие горы и тужит по своей родине и по своей душеньке, которая за другого вышла замуж». Толстой насытил этот сюжет социальным содержанием, сделав причиной бегства казака кровавое столкновение его с офицером.

Специальному рассмотрению подлежит историческая основа повести, в частности осмысление Толстым событий Кавказской войны.

До недавнего времени, как известно, в нашей исторической науке была распространена ошибочная, антиисторическая концепция, искажавшая характер Кавказской войны и движение Шамиля, трактовавшая реакционный мюридизм как прогрессивное национально-освободительное движение. Эта идейно-порочная концепция нашла отражение и в работах некоторых литературоведов, ошибочно приписавших Толстому «сочувствие» мюридизму, «поэтизацию» Шамиля и т. д.

Глубокий интерес Толстого к жизни родины и к историческим судьбам русского народа обострил его внимание к событиям Кавказской войны, в центре которых он находился.

Верное осмысление кавказских событий определило новое отношение Толстого к кавказской теме в русской литературе. Толстой даёт правдивое, реалистическое изображение кавказской войны, взаимоотношений русских казаков с народностями Кавказа, как к тому деятельно призывал в это время «Современник».

Образы, близкие действительности, обыденные фигуры воинов-казаков вытесняют образы бесшабашных удалцов и экзотические фигуры горцев современной Толстому низкопробной кавказской беллетристики. Пошлым романтическим штампам Толстой противопоставляет реальных, кажущихся прозаичными людей, и они-то, по его мнению, «прекрасны, сильны, свободны». «Никаких здесь нет... Амалат-беков, героев и злодеев», но есть «изнурённое храброе кавказское воинство» и несущие сроду службу казаки, есть набеги «незамирённых» чеченцев и тяжёлый ратный труд «товарищества храбрых кавказцев», походы, кордонная служба, тревоги. В этом противопоставлении, способствовавшем правильной трактовке событий на Кавказе, — прогрессивное значение «Казаков».

Борьба с Шамилем, участником которой явился Толстой, воспринималась русскими войсками как патриотический долг. Для местного русского населения на Тереке она являлась одновременно и борьбой за существование, поскольку поощряемые англотурецким империализмом набеги, опустошали русские селения. Вникая в смысл происходящей борьбы, Толстой приходит к убеждению, что справедливость на стороне русских воинов и местного казачества, поскольку они защищают свои земли от набегов и ведут борьбу за исторически правое дело.

«Кто станет сомневаться, — писал он в одном из черновых вариантов «Набега», — что в войне русских с горцами справедливость, вытекающая из чувства самосохранения, на нашей стороне!» Но вместе с тем Толстой был убеждён, что между горцами и русскими нет повода для братоубийственной вражды. Так же, как и кавказские рассказы Толстого, «Казаки» пронизаны мыслью о возможности дружбы народов России и Кавказа.

«Живя между чеченцами, — пишет Толстой, — казаки перероднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев; но удержали и там, во всей прежней чистоте, русский язык и старую веру».

Идею добрососедских отношений отстаивают в повести и герои Толстого. «И зачем она война есть? — вопрошает Брошка в одном из черновых вариантов «Казаков». — То ли бы дело, жили бы мирно, тихо, как наши старики сказывали. Ты к ним приезжай, они к тебе. Так рядком, честно да лестно и жили бы».

О мирном присоединении Кавказа мечтает и Оленин в одном из подготовительных вариантов повести.

И сам писатель фиксирует внимание читателя не на событиях войны, а на показе всего строя жизни казака, который, говоря словами Добролюбова, «столько же воин, сколько и земледелец»¹. Указывая, что в условиях войны боевые действия занимают большое место в жизни казаков, Толстой подчёркивает, что «средства жизни казаков составляют виноградные и фруктовые сады, бахчи с арбузами и тыквами, рыбная ловля, охота, посевы кукурузы и проса». Быт казаков, по Толстому, это не только стычки с горцами, увод коней, служба в дозорах, но и мирная крестьянская жизнь во всех её гуманных и человеческих проявлениях. И поэтому вместо развёрнутых картин войны Толстой рисует лишь один-два драматических военных эпизода, нужных ему для воспроизведения исторического колорита эпохи. Основным же содержанием повести он делает мирный быт казаков.

III

«Казачья» являют собой классический пример изображения жизненных типических образов в типических обстоятельствах. В сложной обстановке, странного и поэтического, по определению Толстого, сочетания войны и свободы действуют народные персонажи повести, составляющие тесно спаянный, здоровый, трудовой круг людей, полных физического и нравственного обаяния. На первом плане — наделённые большой притягательной силой жизненные, типические образы Брошки, Лукашки и Марьянки, воплощающие в себе лучшие черты и специфические особенности старого и молодого поколения казачества. В свете яркой, сочувственной обрисовки их автором становится вполне естественным и оправданным тяготение к ним дворянского интеллигента, представителя господствующего класса, осознавшего необходимость сближения с народом. Образ Брошки был создан Толстым на основе длительного общения со старогладковским казаком Епишкой, постоянным его собеседником и спутником на охоте. Внешний облик и характер старика, его шутки и рассуждения, факты его биографии — явились реальной основой для создания обобщённого высокохудожественного образа старого казака. В лице Брошки представлено старое поколение казачества, сложившееся в определённых конкретно исторических и социальных условиях. «Трудно встретить человека более старинного характера, особенно речь его», — характеризует Епишку автор. «Нынче уж и казаков таких нету», — сам о себе говорит Брошка. Рассказы Брошки о традициях, быте и нравах гребенцев соединяют в себе живую историю, фольклор и этнографию казачества. Старинные русские обычаи встают как живые в его красноречивой передаче, хватают за душу старинные казацкие и горские песни в его исполнении. Брошка — представитель вольного казачества, не знавшего рабской приниженности, человек жизнедеятельный, жизнелюбивый. «Всё Бог сделал на радость человеку», — развивает он перед Олениным философию жизнеутверждения. Его оптимизм основывается не на покорности судьбе, как у Платона Каратаева, а на непоколебимой вере в жизнь. Именно на здоровом мироощущении Брошки сосредоточивает внимание автор, перемежая рассказы старика о занимательных его похождениях философскими рассуждениями.

В лице Брошки простой человек поднимается до проповеди высокой гуманности, уважения и любви к людям без различия веры и состояния, сословных и национальных ограничений. «Я бывало со всеми кунак: татарин — татарин, армяшка — ар-мяшка; солдат — солдат, офицер — офицер». «А по-моему хоть ты и солдат, а всё человек, тоже душу в себе имеешь». В каждом человеке Брошка усматривает лучшие, благороднейшие его стороны: Марьяна для него «красавица», «девка важная», Лу-кашка — «молодец малый», Оленин — «человек хорош». «Джигита убил», — говорит он с сожалением при виде убитого Лу-кашкой чеченца (курсив мой. — Р. 3.). Вражда русских и чеченцев, которые, по его здравому суждению, могли бы жить в мире и согласии, печалит его. «Он чеченца убил; то-то и радуется. И чему радуется? Дурак, дурак!» —

говорит он о Лукашке, хотя реально сложившиеся военные условия заставляют его в то же время одобительно рекомендовать Оленину Лукашку как джигита, который абрека убил и крест выслужит, и советовать тому же Лукашке не доверять кунаку-чеченцу: «Верить — верь, а без ружья спать не ложись».

Житейский опыт, природный ум и непосредственность чувства помогают ему решить важнейшие жизненные вопросы, подняться над уровнем и понятиями своей среды, выработать свободные и широкие воззрения на мир. Он воплощает в себе народную мудрость, присущую народу силу духа и богатство мысли. Оленина поражает выразительное, умное лицо казака. Толстой показывает его незаурядное умственное и нравственное развитие, способность к самоуглублению и философским обобщениям. Философия Брошки представляет собой не абстрактные умозрения, а трезвый, практический взгляд на вещи. Это человек дела, практических знаний. Его чисто народное знание всего жизненно необходимого, полезного противопоставлено неприспособленности господствующих классов. «Я тебя всему научу», — говорит он Оленину. И действительно, он знает и местных людей, и местную природу, и все роды занятий своей среды. Он искренне удивлялся, почему люди, подобные Оленину, «ничего не знают, а все учёные».

В Брошке поражает широта и размах его натуры. Рассудочность уживается в нём с эмоциональностью и непосредственностью. «Дядя Брошка, всю жизнь свою увлекавшийся, всегда практически объяснял свои побуждения», — говорит о нём автор. Стремление к разудалой жизни у Брошки соединяется с высоконравственными требованиями к окружающим; с жадной подвигам он соединяет любовь и сострадание к людям; со страстным увлечением охотой — любовь к животным. Он не терпит прозябания, с презрением отзываясь о молодых казаках, утративших казацкую удаль, готов, забыв свои годы, джигитовать вместе с Лукашкой. «Ты думаешь, я засох! Нет, я не засох», — говорит он Лукашке. Носителя дворянской культуры Оленина, чувствующего «свою слабость, свою изломанность», привлекает в старике, олицетворяющем собой народную силу и душевную мощь, цельность его натуры), его оптимистический взгляд на мир, любовное отношение к человеку и горячая любовь к природе.

Брошка противопоставляет жизнеутверждающие законы природы несправедливым человеконенавистническим законам общества. Слова «улавщиков», сеющих национальную рознь, по его мнению, «одна фальшь». Брошка является не изолированной от социальной действительности личностью, живущей на лоне природы без всяких гражданских, национальных и общественных связей, а яркой социальной личностью, воззрения которой определены её социальным бытием, общественным положением. Толстой рисует Брошку человеком труда, действия, у него «трудовые морщины», могучие, «корявые руки». Даже любовь Брошки к природе, слитность с ней связаны с действенным к ней отношением. Охота для Брошки — естественная форма труда, а не «баловство», как, например, для Оленина. Брошка не только любит природу и тонко чувствует её силу и красоту, но и знает её. Он чувствует удовлетворение собой «на охоте в лесу, где он питался по суткам одним куском хлеба и ничего не пил, кроме воды». После удачной охоты лицо его сияет счастьем и гордостью от сознания своей полезности. Брошка воспринимает труд как естественное условие своего существования и смотрит на мир глазами человека из народа. Он осуждает засилье богатых, несправедливость власть имущих, судебное крючкотворство (см., например, его суждения о богаче-хорунжем, оттягавшем у брата сад, или воспоминания о том, как он, поспорив с сотником, не вышел в хорунжие), но в то же время в нём казачья гордость и независимость уживаются с житейским опытом, осторожностью и лукавой хитрецей. Лукашке он советует не перечить уряднику, чтобы не испортить себе служебного положения, желает ему «крест выслужить». Эти противоречивые черты мировоззрения представителя старинного казачества были воспитаны самой жизнью, теми условиями, в которые было поставлено казачество.

Жизненность и яркость образа Брошки достигнуты Толстым многообразной системой художественных средств, соединяющей в себе и прямую авторскую характеристику (начало главы XVI), и оценку героя окружающими, и автохарактеристику его, и обрисовку внешнего вида и психического склада, и показ домашней обстановки, поведения на охоте, и индивидуализацию его речи, и демонстрацию его живописной манеры изложения.

Всё вместе взятое создаёт выпуклый образ. Как и в отношении персонажей «Войны и мира», Толстой подчёркивает в казаке родовую отличительную черту, которая в одно и то же время и индивидуализирует образ, и связывает его с целым семейным гнездом. В данном случае это мощь дяди Брошки, представителя казацкого рода, получившего прозвище Широкого. Рядом зрительных и слуховых эпитетов автор то и дело отмечает «громадность и силу сложения» казака, его «огромный рост», «сильные члены», «широкие плечи и грудь», «широкую», «здоровенную спину», «бочковатость мышц», «красное широкое лицо», «толстую шею... как у быка, покрытую клетчатými складками», «сильные ноги», «толстые руки», «толстые пальцы» и т. д.; его голос характеризуется как «звучный», «густой», «оглушающий», как «заливистый», гудящий бас. Впечатление мощи усиливается живописными деталями его одежды и охотничьего снаряжения, сопровождающим его сильным, смешанным запахом вина и пороха.

Сила его духа, широта и размах его натуры ярче всего раскрываются в его рассуждениях и рассказах, в образной его речи (см. например, рассказы Брошки про его «золотое времечко», когда он «по всему полку гремел», о его молодецких похождениях, об охоте; его воспоминания, «как в старину гуляли», как в него казак из пистолета угодил, и прочее).

Брошка говорит «старинным» русским языком, соответствующим его образу мыслей и психическому складу и в то же время характерным для казачества, сохранившего, по определению Толстого, в чистоте русскую речь. «Здравствуй, добрый человек», — говорит он Оленину. «В лесу три курочки замордовал. Али ты не видывал?»

Речь Брошки эмоциональна и выразительна. В противоположность псевдонародным персонажам повестей Авдеева, Потехина и др., Брошка говорит полнокровным народным языком. Его речь составляют типичные для народного языка понятные короткие предложения, которым обилие глаголов, вопросов и восклицаний придаёт особенную динамичность («Я сяду, отец мой, я устал. Карга?» — говорит он Оленину; «Ты говоришь: праздник! Это что за праздник! Ты бы посмотрел, как в старину гуляли!» «Кто это стрелил?.. Не люблю! ох, не люблю!»). Наличие народных слов: «баба», «девки», «зыбка», «хата», «дубьё», «куды», «не» (вместо «нет») и т. д. придают его речи живой колорит и самобытность («Каждая баба как княгина была. Бывало выйдут, табун целый, заиграют песни, так стон стоит... а девки дубьё возьмут»). Казацкие термины («дедука», «нянюка», «флинта» и др.), характерные искажения слов: «дохтур», «стрелил», «докажу» (доскажу) и др. усиливают самобытный характер его речи. Свойственные народной речи уменьшительные суффиксы («зорька», «звёздочки», «местечко» и др.), пословичность («куда придёт, там и дом»; «и сыт и пьян»; «не будет тебе ни замка, ни Закладки»), насыщенность фольклором (заговорами, песнями, приметами и т. д.) придают его речи поэтический колорит. Любовь его к песням, из которых наиболее трогательные вызывают у него слёзы, и мастерское их исполнение показывают, какой родник поэзии кроется в душе этого простого человека, выходца юз народа.

IV

При создании типа молодого казака Толстой также стремился к наиболее объективному раскрытию социальной сущности казачества. Отсюда ряд изменений облика героя в ранних редакциях.

В окончательной редакции облик молодого казака чужд обыденности и неприглядности ранних вариантов, а также чрезмерной изысканности и красоты промежуточных набросков. В последней редакции это — удалец-казак с твёрдым и мужественным характером, облик и всё

сложение которого выражают большую физическую и нравственную силу и красоту, заключающуюся не в правильности черт лица, а в свойственной казакам молодцеватости. «Порознь черты лица его были нехороши, но, взглянув сразу на его статное сложение и чернобровое умное лицо, всякий невольно сказал бы: «молодец малый!». По его воинственной и гордой осанке сразу видно, что это — казак и что он знает себе цену не ниже настоящей». Лукашка у Толстого — типичный образ молодого казака тех лет с присущими последнему характерными чертами: ярко выраженным чувством собственного достоинства, воинственностью и мужеством, энергией и жизнерадостностью, ясным умом и способностью ориентироваться в трудных условиях. О типичности этого образа хорошо выразился старогладков-ский казак Синюхаев: «Да ведь тогда все у нас такие, как Лукашка, были, — все такие джигиты»^{1 2}. Автор показывает духовное родство Лукашки и Ерошки, носителя лучших черт старинного казачества, от которого Лука перенимает многие молодецкие приёмы. Но он именно представитель молодого поколения; его отличает собранность мыслей и степенность речи, трезвость взглядов, твёрдая убеждённость в правоте своего воинского дела — охраны границ. Лукашка — племянник старика, он из тех же Широких, что и Брошка. Автор отмечает в нём их общие родовые черты: «широкое выражение лица», «широкую спину», «широкие скулы и шею», а в одном из подготовительных вариантов «широкую кость его сложения».

Не ограничиваясь развёрнутой характеристикой казака в VI главе, автор в разных местах повести отмечает его «высокий рост», «белое, здоровое тело», «большие руки», «резкий, повелительный голос», что усиливает первое впечатление. Он одушевляет портрет своего героя показом его бодрости, силы его движений, сдержанной оживлённости и энергии, весёлого выражения лица «красивого казака». Читатель то и дело видит его смеющиеся, «блестящие чёрные глаза», лицо, сияющее удалью и радостью, слышит «сильный резкий голос» песельника, с верным поэтическим чувством передающего лучшие удалые русские песни.

Портретные зарисовки Лукашки автор даёт в типичных для казака положениях, например на сторожевой вышке или верхом на лошади. И отражённый в портрете психологический его облик также дан в типичных для казака отправлениях воинских обязанностей: на кордоне, в засаде, в момент тревоги. Действия его в секрете и при поимке абреков обнаруживают его удаль, заложенную в нём любовь к воинскому делу, выдержку, смелость и находчивость. «Спокойствие и торжественность» в первую минуту опасности сменяются в нём отчаянной решимостью и храбростью в схватке. Из тесных рамок кордонной службы Лукашка рвётся в бой. «А сходил бы в поход! Так мне хочется, так мне хочется...», — делится он с Олениным.

Толстой подчёркивает внутреннюю цельность казака. Ему чужда разъедающая рефлексия, столь характерная для Оленина. Он, например, не думает о грозящей опасности, идя ночью по лесу. О том, что его могут убить, ему и в голову не приходит. Образ Лукашки дан Толстым в движении. Писатель показывает нарастание в нём удали, воинского опыта, превращение его из «ма- і лолетка» в главаря казаков. В деле с абреками он невольно становится начальником отряда станичников, которые чувствуют его превосходство и внимательно прислушиваются к его словам, не обращая внимания на присутствие молодого хорунжего и Оленина.

Лукашка неотделим от трудовой народной среды. Толстой рисует его человеком труда, действия. «Всякая работа, крупная и мелкая, спорилась в руках Лукашки». «Ловок» он и на охоте. Лукашка так же, как и Брошка, свойственен народный, практический взгляд на вещи. Лукашка не понимает, зачем Оленин уехал из дома, где жил так богато. Сам он «и так никуда бы не уехал». Он любит свою станицу, свой родной быт. «Хорошо у нас жить?» — спрашивал он Оленина.

Трудолюбие и деловитость соединяются в Лукашке с жизнерадостностью, жадой веселья, разгула. Любовь не занимает исключительного места в его духовном мире, хотя он и серьёзно любит Марьяну. Если в ранних вариантах трогательные излияния казака во время свидания с

Марьяной сменялись его мечтаниями о жизни с ней после свадьбы, то в окончательной редакции эти чувствительные сцены убраны. Лукашка, как и подобает казаку, любит сдержанно и властно, не растворяется в своём чувстве. Оленину странно, что Лукашка, получив подарок, не идёт поделиться своей радостью с Марьяной, что он не опечален тем, что долго не увидит невесты: «Что на неё смотреть-то?» — говорит Лукашка Оленину. Он сдержанно спокоен с ней при людях, лишь игра глаз выдаёт его внутреннее оживление. Он решителен и настойчив в своих исканиях. В его отношениях к Марьяне сказывается свойственная ему сила и самоуверенность молодости. Речь Лукашки кратка и выразительна. Как и Брошка, он говорит «хорошим русским языком», ясными, понятными предложениями, в которых общерусские простонародные слова («торбы», «бают», «намедни», «обротали» и др.) перемежаются с казацкими терминами («малолеток», «монет», «душенька» и т. д.). Общерусский характер его речи не нарушают, а лишь локализуют восточные слова: «мюрид», «аул», «буза», «пилав» и др. Простонародный колорит и вместе с тем индивидуальный характер придают его речи неправильности в произношении ряда слов: «во», «вона», «эка», «пра», «хошь», «скупился» (соскучился), «пытал» (пробовал), «кажет» (кажется), «постановили» (поставили) и др.

«Ты к верхнему протоку сходи, там табун важный ходит. Я не вру, пра! Намеднишь наш казак одного стрелил», — говорит он Брошке, употребляя ходовое в станице слово «важный» в смысле «хороший», казацкое «стрелил» вместо «застрелил», общерусские слова «табун», «намеднишь» и характерное своё словечко «пра» вместо «право».

С разными людьми Лукашка говорит по-разному: задиристо с дядей Брошкой («Да что, дядя, разве от этого тебя не убили? Може так»); рассудительно с Олениным («Ну, коли не хвастаете, что дома житьё у вас такое, я из дома никуда бы не уехал»); повелительно с матерью («А что, матушка, я тебе говорил торбы починить: починила, что ль?»).

Разговор его с Марьяной исполнен целой гаммы чувств: речь его с ней то ласковая и нежная («Право... Что я тебе сказать хотел, — ей-богу! Приходи, Машенька»), то убеждающая («Ты не смейся надо мной, Марьяна! Ей-Богу! Что ж, что у меня душенька есть? А чорт её возьми! Только слово скажи, уж так любить буду — что хошь, то и сделаю»), то злобная («Да и что всё ждать, да ждать!»), то угрожающая («Помни ж!»).

По выходе повести реакционная критика резко обрушилась на Толстого за поэтизацию Лукашки, обвиняя писателя в воспевании «дикаря-зверя» и в унижении представителя цивилизованного общества. Но критика сужала и искажала значение этого противопоставления. Не «дикие» люди противопоставлены в повести «цивилизованным», а люди труда — представителям паразитического сословия. В образах казаков Толстой выразил деятельное, активное начало в противовес началу созерцательному. В образе Лукашки Толстой подчеркнул моральное превосходство цельного, неизломанного, выросшего в труде, в суровом казацком быту молодого казака над унаследовавшим пороки своего класса столичным дворянином. И в этом противопоставлении была заложена большая прогрессивная мысль.

V

Героиня «Казаков» Марьяна принадлежит к числу самых ярких и пленительных образов в русской литературе. Красота и естественность казачки, её физическое и душевное здоровье, трудолюбие и жизнерадостность противопоставлены в повести фальши и лицемерию скучающих салонных женщин с их фальшивыми буклями и «спрятанными и изуродованными слабыми членами». Смелой кистью великий художник возводит в идеал правды и красоты простую женщину — казачку. Марьяна по-своему так же обаятельна, как непосредственная, жизнерадостная и одарённая «барышня-графинюшка» Наташа Ростова.

Толстой не скупится на эпитеты, возвышающие его героиню, «величавую женщину в той первобытной красоте, в которой должна была выйти первая женщина из рук своего Творца». Он

рисует её «величавую осанку»: она «величественно хороша», «чистая, неприступная, величавая». Эту величавость, подчёркивает он, придаёт ей здоровая трудовая жизнь на лоне природы. Труд — родная стихия Марьяны. Сельская работа для неё — не постылая и тяжёлая обязанность, а первое условие её существования, сделавшее её такой могучей, здоровой и прекрасной. «Весёлой и не усталой» выглядит она в самую горячую пору уборки винограда.

Гордой и весёлой, мужественной и нежной, глубоко обаятельной выступает Марьяна в повести.

Если глаза Лукашки говорили: «Видали молодца?», то взгляд Марьяны, казалось, говорил:

«Какова я красавица!». «Королева девка», — характеризует её Брошка.

Особенно подчёркивается гордость и неприступность Марьяны контрастом с хорошенькой, маленькой, пухленькой Устенкой, вечно смеющейся и болтающей.

Красота Марьяны — красота здоровой женщины из народа, сильной, могучей и прекрасной.

Автор рисует «мужественный стройный стан», «могучее девственное тело красавицы», «сильные», «стройные» ноги, «щеголеватую, молодецкую походку», «прекрасные», «глубокие чёрные глаза», то «отенённые», то «блестящие», её «светлый счастливый смех». Она «гордою и весёлою царицей» кажется между другими. При всём том Марьянка — не идеальное, а живое, характерное лицо. «Черты её Лица могли показаться слишком мужественными и почти грубыми, — писал автор, — ежели бы не этот большой стройный рост и могучая грудь и плечи и, главное, ежели бы не это строгое и вместе нежное выражение длинных чёрных глаз, окружённых тёмною тенью под чёрными бровями, и ласковое выражение рта и улыбки».

Гармоничности образа Марьянки автор достиг путём длительной творческой работы.

В окончательной редакции живой и пластичный образ Марьяны, так же как и образ Лукашки, не нарисован сразу, одной портретной зарисовкой. Читатель постигает его постепенно. В каждой новой сцене автор добавляет несколько характерных деталей, дающих представление об образе в целом. Эти отдельные портретные зарисовки и психологические характеристики героини, рассеянные в разных местах повести, сливаясь воедино, вырисовывают всё её существо красочно и рельефно.

Знакомя вначале читателя с Марьяной — стройной красавицей, бросающейся «со всех резвых ног» загонять скотину во двор, автор сразу даёт понять, что это — типичная казачка, «работница-девка», любящая труд, расторопная и ловкая в работе. Следующая сцена — сцена встречи Марьяны с Олениным — раскрывает новые стороны её облика. Читатель вместе с Олениным видит «высокую и стройную фигуру молодой казачки»; его так же, как и Оленина, поражает «твёрдая, молодая походка, дикий взгляд блестящих глаз... и стройность сильного сложения красавицы», Марьяна закрывает лицо рукавом и смотрит на Оленина «с детским ужасом и диким любопытством», а затем, оправившись, быстро, постукивая босыми ногами, пробегает мимо него, и читатель благодаря этим деталям чувствует дикую грацию, своенравие и порывистость казачки. «Девственною силой и здоровьем» веет от неё и в сцене на «балу», и во время сбора винограда, и когда она лепит кизяки по забору, то заходя в сырую утреннюю тень, то блистая на солнце яркой одеждой. Читатель вместе с Олениным не может оторвать глаз от этой картины, и вся сцена звучит гимном труду и красоте, воплощённым в облике Марьяны.

Толстой, вскрывая «диалектику души» своей героини, показывает разные, подчас противоречивые, её душевные состояния. Но это не нарушает цельности образа, — Марьяна всё время остаётся сама собой.

Испуганно отпрянувшая от Оленина в первый момент его появления, Марьяна через несколько часов уже не пробегает, а проходит мимо окна офицера, «ровно и сильно размахивая руками... тою особенною щеголеватою, молодецкою походкою, которою ходят казачки». Эта её походка и то, что она даже не поворотила головы на слова Брошки, а «только медленно повела на старика

своими чёрными, отенёнными глазами», говорит уже не о стыдливости, дикости и резвости казачки, а о её гордости, сознании своей красоты и своего достоинства.

Манеру Марьяны медленно поднимать глаза и Лечат не сразу, её редкую улыбку автор отмечает в нескольких сценах (на завалинке, на «балу» у У стены др.), усиливая тем впечатление величавости, гордого сознания своего превосходства, которое производит Марьяна на окружающих, всецело подпадающих под обаяние её все покоряющей красоты.

Марьяна молчит или отвечает не сразу отнюдь не из-за недостатка соображения. Разговор её с Ванюшей в клети и Лукашкой у забора свидетельствует о её здоровом, подчас насмешливом уме, о присутствии ей весёлом юморе.

Марьяна порывиста или спокойна, проста или величава, важна или насмешлива, строга или весела в зависимости от обстановки, и потому все эти переходы из одного состояния в другое кажутся естественными и закономерными и не нарушают цельности впечатления от образа девушки. Её характер, мысли, чувства и настроения как в зеркале отражаются в её движениях, взглядах, выражении лица, голосе и жестах. Физический и нравственный облик Марьяны слиты в одно гармоническое целое.

По тому, как она ласково смотрит на Лукашку или порывисто прижимает к себе, именуя его «братцем», видно без всяких пояснений автора, что она любит молодого казака. Но вот она отрицательно качает головой в ответ на его нащёптывания, и мы чувствуем, что она ласкова и тверда в одно и то же время, что любит она серьёзно и сдержанно, не поступаясь своими строгими нравственными правилами. Она вырывается из объятий Лукашки со словами: «... а ты к своей душеньке пооди», и за этим кроется и её уверенность в любви к себе казака, и скрытая, гордая, не унижающаяся до упрёков ревность. Твёрдый душевный закал её сказывается на свидании в том, как она спокойно выслушивает Лукашку, хотя по изломанной ею на мелкие куски хворостине можно догадаться о её внутреннем волнении, и в том, как она, не вырывая своих рук из рук Лукашки, отдаляет от себя возлюбленного и со спокойным выражением лица и голоса отвечает ему, что замуж пойдёт, а глупости не сделает. То, что это спокойствие объясняется не холодным бесстрашием, а твёрдостью правил и сдержанностью, красноречиво доказывает последовавший затем страстный порыв Марьяны.

Под величавой красивой внешностью казачки скрывается богатый внутренний мир. При всей своей непосредственности и простоте она — натура своеобразная и глубокая. В повести отмечена и сила характера, и самостоятельность мысли, и способность к сильному чувству, и нравственная чистота, и глубокое чувство человеческого достоинства, присущие ей.

Твёрдость и строгость её нрава ощущают все окружающие: И Устенка, называющая её «корявой», и Ергушов, шуточно обнимающий всех женщин на завалинке, за исключением Марьяны, и Назарка, говорящий о ней Лукашке: «Да вот сунься-ка!», и сам Лукашка, безуспешно пытающийся подчинить себе эту неподатливую натуру («Ишь, хорунжиха! — и не пошутит, чорт!»), и Оленин, испытывающий по отношению к казачке уважение и страх. «Почему-то он боялся Марьянки и ни за что бы не решился сказать ей слово шуточной любви», — пишет автор. «Что хошь, то и сделаю», «что ты велишь, то и сделаю» — почти одинаково признаются ей в своей покорности простой казак Лукашка и дворянин-интеллигент Оленин. Это усиленное подчёркивание силы воздействия, производимого молодой казачкой, гораздо ярче оттеняет её облик, чем статичное описание её женщиной-царицей, в которой есть что-то «повелительно-прекрасное» (в редакции 1858 г.). О своей твёрдости она говорит сама: «Я раз слово сказала, и будет! Твёрдо, как камень». ^ Она держит себя независимо и гордо с Лукашкой («Пускай к другим ходит», — гордо отвечает она Устенке, пугающей её неверностью казака), насмешливо и неприступно с Олециным («Ничего тебе не будет!»; «Разве господа на мамуках женятся? Иди!»).

Марьяна — натура скрытная, сдержанная, целомудренночистая. Все её интересы и стремления связаны с трудом и семьёй. Она совсем не разделяет мнения Устенки, что на девичьей воле нужно гулять, а замужем «и в мысль радость не пойдёт, дети пойдут, да работа». «Что ж, другим и замужем жить хорошо. Всё равно!» — спокойно отвечает Марьяна, отстаивая свой глубокий и серьёзный взгляд на женское счастье. Недолговременная её благосклонность к Оленину именно вызвана новым для неё возвышенным взглядом Оленина на неё как на женщину и человека. Марьяна равнодушна к богатству Оленина, ей чужды мелкие, корыстные побуждения Устенки. Прислушиваться к словам Оленина заставляет её жажда духовного развития. Её неразвитому, но пытливому сознанию нужна духовная пища, и она «слушает всем существом своим, когда он говорил» «о казачьих делах, о соседях, о России», задумывается над его желанием опроститься. «Она привыкла к нему, поняла его речи и ей лестно стало, что он её любит», — разъяснял Толстой в одном из конспектов повести 1857 г. Почтительное отношение Оленина к Марьяне, в отличие от грубого отношения к ней Лукашки, нравилось гордой и ревливой девушке, и она даже допускала мысль о возможности её сближения с офицером. «Смотри, тогда других баб не люби! Я на это сердитая», — говорила она Оленину. Однако её обещание выйти замуж за него звучит несерьёзно, полушутливо. Он для неё всё же остаётся баринком, человеком «белой кости». Героический подвиг Лукашки, так трагически закончившийся, подняв казака на большую моральную высоту, восстанавливает нарушенное равновесие. Чувство истинной любви к родному ей по духу и складу человеку вспыхивает в Марьяне с новой силой, и она с отвращением и злобой отворачивается от офицера, чуждого интересам станицы.

Речь Марьяны, немногословная и выразительная, отражает её твёрдый и определённый взгляд на вещи. Она насмешлива и остра в весёлые минуты («Ну, что сказать хотел, полуночник?»); «Легко ли! Какой буйвол разъелся, а жениться молод!»), спокойна и рассудительна во время серьёзного разговора («Ты не куражься, Лукашка, а слушай ты мои слова», — говорит Марьяна, не изменяя спокойного выражения лица и голоса. — «Известно, я девка, а ты меня слушай»).

В речи Марьяны отражена и присущая ей эмоциональность, и порывистость. Сдержанной страстью звучит её ласковое обращение «братец» во время свидания с Лукашкой; грубо и жёстко кричит она Оленину, плача по раненому казаке: «Уйди, постылый!». Грубоватая её лексика в окончательном тексте значительно смягчена по сравнению с первоначальными вариантами* повести. Задумчиво и лирично звучит её рассказ о переживаниях Оленина: «Что он мне раз сказал, постоялец-то, — проговорила она, перекусывая травинку. — Говорит: я бы хотел казаком, Лукашкой быть или твоим братишкой, Лазуткой. К чему это он так сказал?»

В лице Марьяны Толстой создал правдивый, реалистический образ простой русской женщины, поражающей читателя своей внутренней красотой и силой.

Молодая казачка, вместе с Брошкой и Лукашкой, близкими ей по духу и складу, олицетворяет трудовой и поэтический мир станицы в противовес индивидуалисту Оленину, «нелюбимому» и непонятному казакам. В общем идейном замысле повести образ Марьяны играет значительную роль, поскольку он воплощает основную мысль о превосходстве народной жизни над пустой и бесцельной жизнью дворянского общества.

VI

Миру простых людей, спокойных и уравновешенных, противостоит в повести герой-дворянин, неудовлетворённый своим социальным бытием, мучающийся несовершенством своей жизни. Типичные черты своего героя Толстой почерпнул из наблюдений над молодыми представителями московского дворянства, над бытом передовых офицеров на Кавказе, а главным образом — из самонаблюдений. В переживаниях Оленина отразились некоторые черты духовного развития самого, автора: владевшее им" чувство вины дворянства перед народом,

сознание пустоты дворянского существования, тяготение к народу, горячее стремление приносить пользу людям.

В поисках путей сближения с народом Толстой наделяет своего героя присущими ему самому социально-нравственными исканиями. Это не привело, однако, к субъективизму в изображении героя, так как, во-первых, сам молодой Толстой, с его напряжёнными поисками путей для выхода из тупика общественных отношений, был чрезвычайно яркой социальной фигурой, а во-вторых, Толстой, анализируя свои поступки и переживания, всегда старался выяснить их общественную сущность.

Характеристика Оленина, «молодого человека» в московском обществе, нигде не кончившего курса, нигде не служившего и никогда ничего не делавшего (см. главу II), повторяет автохарактеристику Толстого в дневнике 1850 г. Отзвуками настроений Толстого, известных по его ранним дневникам, является презрение Оленина к «свету», раздумье над тем, во что вложить силу Молодости, его поиски нового идеала, стремление «жить хорошенько». Оленин принадлежит к серии героев Толстого (Ир-теньев, Нехлюдов из «Утра помещика», Пьер Безухов, Левин, Нехлюдов из «Воскресения»), в которых писатель воплотил свою неудовлетворённость окружающим, поиски выхода, тяготение к народу, моральные порывы к самосовершенствованию, интенсивность и глубину мысли. Но Оленин, как и другие герои Толстого, является не только отражением личности автора, а представляет собой яркую индивидуальность, в которой Толстой вместе со своими чертами типизирует черты лучшей части дворянской интеллигенции, осознавшей и осудившей пороки господствующих крепостнических отношений. Оленин — один из самых ярких положительных героев раннего Толстого всей русской литературы 50—60-х годов. Отказавшись от подчёркнуто прозаического образа офицера Губкова (первая редакция) и образа незаурядного героя, резко отрицающего устои современного общества (предпоследняя редакция), Толстой останавливается на изображении Оленина положительным «молодым человеком 40-х годов», «отличным малым», влечение которого к казакам является не романтическим порывом, а вытекает из критического отношения к окружающей действительности и моральных исканий человека, ищущего общественно-оправданного приложения своих нерастраченных сил.

В редакции 1858 г., которая по сравнению с окончательной является конспективной и не столько показывает героев, сколько рассказывает о них, дана следующая программная характеристика офицера: «Ржавский был ещё очень молодой человек, но несмотря на то <или именно потому> уже запутавшийся в отношениях общественной жизни. С ним случилось то, что случалось с весьма многими честными и пылкими натурами в наше время. Безобразие русской общественной жизни и несоответственность её с требованиями разума и сердца он принял за вечный недостаток образования и возненавидел цивилизацию и выше всего возлюбил естественность, простоту, первобытность. Это была главная причина, заставившая его бросить службу в Петербурге и поступить на Кавказ».

Таким образом, объясняя несостоятельность взглядов Оленина молодостью и незрелостью героя, Толстой отмежевывается от этих взглядов. Всепроницающие глаза художника-реалиста выявляют несостоятельность прекраснодушной философии Оленина, пытающегося ограничить себя желаниями, которые «всегда могут быть удовлетворены, несмотря на внешние условия». Но если беспочвенны идеалы Оленина, то критика, которой он подвергает отрицательные стороны окружающей действительности, резка и сильна. С помощью Оленина Толстой срывает маску с высокомерного, самодовольного светского общества, невыразимо гадкого и смешного в восприятии героя. Духовно опустошённые светские знакомые Оленина, жизнь которых сводится к попойкам и картам, «гадки и жалки» ему своей фальшью, «вечной скукой в крови», бесцельностью существования, сословными предрассудками. Неудовлетворённость пустой

светской жизнью заставляет Оленина идти на «голос другой жизни, призывавшей его, — жизни трудов, лишений, деятельности», побуждает принять решение «никогда не приезжать назад, не показываться в общество». Радуюсь, что «старая жизнь была стёрта, и началась новая, совсем новая жизнь», что «он мог здесь, как новый человек между новыми людьми, заслужить новое хорошее о себе мнение», Оленин ориентируется не на кавказское офицерство, оттолкнувшее его разговорами о наградах, картёжной игрой и кутежами, а на казаков. Желание быть простым казаком кажется ему разумным и справедливым, гораздо-более оправданным, чем стремление стать министром или полковником.

В настроениях Оленина Толстой отразил характерный для лучшей части дворянства и для него самого сдвиг в сторону демократизма. Брезгливое отношение юного Иртеньева к «некомильфотным» людям сменяется в «Казаках» влечением Оленина к «простым существам». «Все казаки, ямщики, смотрителя казались ему простыми существами, с которыми ему можно было просто шутить, беседовать, не соображая, кто к какому разряду принадлежит. Все принадлежали к роду человеческого, который был весь бессознательно мил Оленину». Брошка, в котором слуга Оленина видит лишь грязного старика, пьяницу и .попрошайку, вызывает в офицере живейший интерес и симпатию. Оленин рад, что в свою «паутину любви» он «поймал Ванюшу, дядю Брошку, Лукашку, Марьянку». Снисходительное вначале отношение к простым людям сменяется у Оленина, под влиянием впечатлений станичной жизни, восхищением казаками, которые кажутся ему свободными, сильными и прекрасными. Толстой показывает оздоравливающее влияние на героя новой жизни на лоне величавой природы, среди занятых трудом казаков. «Так и чувствовалось Оленину..., что тут в станице его дом, его семья, всё его счастье и что никогда нигде он не жил и жить не будет так счастливо, как в этой станице». «Он с каждым днём чувствовал себя здесь более и более свободным и более человеком», — пишет автор.

Настойчивыми повторениями Толстой усиливает это впечатление обновления. Оленин испытывает «йолодое чувство беспричинной радости жизни»; он «морально свежий, сильный и совершенно счастливый»; «его лицо сияло молодостью и здоровьем»; он чувствует в себе «спокойствие и силу», на душе у него «свежо и ясно».

Увлечение Оленина «идиллией казачьей станицы» кажется вполне естественным и закономерным благодаря изображению его натурой восприимчивой, экспансивной и к тому же оригинальной, самобытной, не терпящей «битых дорожек».

Искания Оленина порождены реальными условиями русской жизни. Оленин — не отвлечённый романтический герой, а живой человек, наделённый чертами, характерными для его возраста и социальной среды.

Внутренний самоанализ Оленина далёк от разъедающего скептицизма; он не мешает ему довольствоваться радостями, совершенно обыдёнными. Естественен Оленин и в своём увлечении Марьяной. Проявление этого чувства не носит у него исключительного, трагического характера, как любовь романтических героев. Постоянное чувство неудовлетворённости, разочарованности не составляет главной сущности душевных переживаний героя повести. «Он ни во что не верил и ничего не признавал. Но, не признавая ничего, он не только не был мрачным, скучающим и резонирующим юношей, а напротив, увлекался постоянно», — пишет Толстой.

Оленин представляет собой резкий контраст романтическим литературным героям, ухившим после трагических катастроф на лоно природы заглушить своё горе и хранившим полное равнодушие к окружающему их миру простых людей. Он едет на Кавказ человеком, у которого всё ещё впереди, в поисках моральных основ для построения новой жизни. Сближение с народом становится главной целью и основным смыслом его жизни. Толстой обогатил традиции Пушкина и Лермонтова, положивших основание реалистическому противопоставлению простых людей

внутренне опустошённым аристократам. Он показал тяготение дворянского героя к простым людям как людям труда.

Если «лишних людей» — героев литературы 40—50-х годов, исповедовавших высокий нравственный идеал, отличали постоянный разлад между словом и делом, неприспособленность/к практической жизни, боязнь и незнание её, то Оленина характеризует потребность деятельного добра, готовность осуществить свои жизненные идеалы. Отвращение к светской жизни не носит у него декларативного характера, а логически приводит его к опрощению, к отходу от нравов и привычек своей среды. Он решается на перемену своего социального бытия, на радикальный переворот в своей жизни.

Постигшая Оленина на этом пути неудача коренится не в его личной слабости и нерешительности, обычной для «лишних людей», а в объективных законах общественного развития. Причина неудачи не в нём самом, а в обществе, которое живёт по своим законам и которому нет дела до него. Поскольку образ Оленина был порождён реальными условиями русской жизни, Толстой не мог не показать краха попыток Оленина сблизиться с народом, ибо предпосылок для такого сближения не было в реальной действительности.

Великий художник мастерски раскрывает в психологии Оленина предрассудки и противоречия, которые мешают ему сблизиться с народом. Несмотря на свои благородные порывы и искреннее тяготение к народу, он всё же не в силах до конца преодолеть свои дворянские привычки. Он мыслит и чувствует по-барски и, несмотря на то, что стремится преодолеть понятия и предрассудки того мира, из которого вышел, сам ощущает в разговоре с Белецким, что «он не мог, решительно не был в силах резко оттолкнуть от себя этого человека из того мира, как будто этот старый, бывший его мир имел на него неотразимые права».

Оленин остаётся чужим для казаков, несмотря на все попытки сближения с ними. В отличие от других писателей, изображавших уход героя из его среды, Толстой показал, что естественная жизнь простых людей из народа не терпит социально чуждого, «мятущегося» аристократа.

Поведение Оленина в станице вызывает только недоумение среди казаков: он для них — ненужное лицо. Никакого решающего влияния на окружающую его среду Оленин не оказывает: он лишь хочет приобщиться к ней, но терпит неудачу в своих замыслах. Именно потому, что он дворянин и богат, Марьяна остаётся недоступной для него.

Нарисовав полнокровные образы представителей народа, Толстой подчеркнул значительность и важность изображённой им простонародной среды. Оленин глубоко чувствует превосходство деятельной жизни простых людей над своей собственной, чувствует и превосходство этих людей — могучих, цельных натур: Лукашки, Марьяны и Брошки. Не решив за шесть лет самостоятельной жизни в свете, куда приложить свои силы, Оленин в станице быстро находит решение: записаться в казаки. Уезжая из станицы, Оленин не мог уже сказать об этой жизни, что это не то, как он сказал это в своё время о московской жизни. Оленину, несмотря на личную неудачу, ясно, что именно эта жизнь — «серьёзная, нешуточная», и перед лицом этой жизни пустые и лживые интересы людей его круга кажутся ему ничтожными и смешными.

Личность Оленина значительна своей сложной духовной жизнью, и поэтому автор сосредоточивает внимание читателя на сложных процессах, протекающих в глубине его сознания, на «диалектике» его души.

В первой сцене (сцене проводов) Оленин сразу выступает как увлекающаяся, горячая натура, преисполненная молодых сил. Об этом свидетельствует его речь, эмоциональная и взволнованная* полная признаний и оправданий: «Мне казалось, что наконец-то вот я полюбил, а потом увидал, что это была невольная ложь, что так любить нельзя, и не мог идти далее: а она пошла. Разве я виноват в том, что не мог? Что же мне было делать?» Весь облик Оленина говорит об испытываемом им приподнятом состоянии, оттенки и переходы которого, едва уловимые,

быстро сменяющиеся, мастерски вскрыты тонким психологическим анализом автора. Воспроизводя многообразие переживаний, автор комментирует, обобщает и разъясняет тонкие, противоречивые чувства и ощущения своего героя.

По-новому рисует автор Оленина после трёхмесячной опрощенной жизни в новой для него станичной обстановке. Оленин чувствует себя здесь спокойным и счастливым. Речь его, литературно-разговорная в сцене прощания с приятелями, остаётся такой лишь во внутренних монологах, раскрывающих интимные убеждения Оленина, его сокровенные размышления о смысле жизни. Она принимает при этом то обличительно-полемический характер («Как вы мне все гадки и жалки! Вы не знаете, что такое счастье и что такое жизнь!»), то мечтательно-философский оттенок («Всё равно, что бы я ни был: такой же зверь, как и все, на котором трава вырастет, и больше ничего, или я рамка, в которой вставилась часть единого Божества, всё-таки надо жить наилучшим образом»). С неудовольствием поддерживает Оленин с Белецким разговор-на московско-французском языке покинутого им светского круга. Зато с казаками Оленин говорит языком простым, кратким и понятным, близким, языку этой среды, к которой он стремился приобщиться. «Я твоей матери боюсь. Она меня так разбранила в первый раз, как я зашёл к вам», — говорит он Марьяне; «Нет, дядя, деньги ничего не сделают, коли не любит. Лучше не говори про это», — говорит он Брошке о неприступности казачки.

Рисую эволюцию Оленина, самонадеянного и порывистого вначале и отрезвлённого жизнью в финале повести, Толстой, однако, не показал Оленина человеком без всяких перспектив в жизни. Читатель, чувствует, что социально-этические искания Оленина не прекратятся.

VII

Тема столкновения дворянина с простонародной средой, идея превосходства народной жизни над пустой паразитической жизнью высшего общества раскрываются Толстым в целостной художественной картине действительности, в которой действующие лица составляют противоположные сталкивающиеся в типических обстоятельствах и находящиеся в определённых развивающихся отношениях лагеря.

В повести отчётливо прослеживаются две сюжетные линии, служащие раскрытию идейного замысла: борьба казаков с чеченцами и взаимоотношения Оленина с Марьянкой и Лукашкой. Внутренняя связь между этими двумя линиями образует единство произведения. Обе они направлены к утверждению высокой моральной силы русского народа. Мужество, сила духа казаков раскрываются и в их столкновении с абреками, и во взаимоотношениях с дворянским офицером.

Эти две коллизии, освещающие две разные стороны действительности, помогают Толстому нарисовать жизнь в её многообразии, показать героев в повседневном быту и острых психологических положениях, раскрыть посредством этих конфликтов внутреннюю сущность героев. «Казачки» — остро конфликтная повесть. В основе развёрнутого Толстым психологического конфликта лежат классовые противоречия, конфликт социальный. Обращает внимание обширная экспозиция повести, раскрытие в образной форме истоков, исторических, социальных и психологических причин случившегося. Автор устанавливает неразрывную связь между судьбами отдельных людей и общественной средой, их породившей. В первых семи главах повести художественно очерчены два противопоставляемых мира: московское общество, с его нездоровой жизнью, заполненной кутежами, карточной игрой, попойками с цыганами и волокитством, и мир казаков, живущих простой и здоровой жизнью, в который Толстой вводит читателя посредством историко-этнографического очерка гребенского казачества. Воспоминания Оленина о московском обществе проясняют причины его неудовлетворённости и смутной жажды обновления. История поселения казаков на Гребне, очерк станицы, общая характеристика мужского и женского типа гребенцев — являясь прологом к обрисовке персонажей

произведения, воплощающих в себе эти собирательные черты населения станицы. Великое изображение светского общества через восприятие Оленина психологически было оправдано, то изображение станицы как постороннего нового мира для дворянского героя требовало объективного описания. Этим объясняется то, что описание станицы исходит от автора, а не от лица Оленина, как это было в промежуточной редакции.

Так же отличны приёмы изображения героев. Характеризуя людей из народа, гармонично развитых, нравственно и физически привлекательных, Толстой рисует и внешний, и внутренний облик их. В Оленине более всего интересна богатая внутренняя жизнь, и описание его внешности оттеснено на задний план.

В наброске 'каждого персонажа Толстой достигает единства физического и психического склада. Неуловимые оттенки чувств отражаются на лицах героев. Толстой — великий мастер воспроизведения этих нюансов в мимике и жестах героев, в выражениях их лиц. Рисуя встречу Лукашки с Марьяной, автор отмечает: «Красивое лицо его вдруг осветилось счастливым молодым блеском»¹. В другом случае он пишет о Марьяне: «Хотя и хмурились тонкие брови, но в глазах выражалось удовольствие и чувство своей красоты». Типичная, деталь, отмечаемая Толстым в портрете, помогает уловить характерное в нём. Толстой отказывается от натуралистических подробностей в пользу типичной детали. Так, например, портрет Марьяны в черновой редакции более натуралистичен, чем в окончательной. «Особенно хороши её чёрные глаза на ярких белках и окружённые коричневой тенью и губы, немного толстые, вывороченные, но удивительно приятные»¹, — значилось в промежуточной редакции. В окончательной редакции выделена одна характерная черта лица — «прекрасные», «оттенённые», чёрные глаза.

Особенности реалистического метода Толстого — психологизм, стремление к раскрытию «диалектики души» — сказались и при создании образов «Казачков».

Исследуя особенности психологического метода Толстого, Н. Г. Чернышевский писал: «Внимание графа Толстого более всего обращено на то, как одни чувства и мыёли развиваются из других; ему интересно, наблюдать, как чувство, непосредственно возникающее из данного положения или впечатления..., переходит в другие чувства, снова возвращается к прежней исходной точке и опять и опять странствует...».

Вот как, например, «проявляет» Толстой сложные внутренние движения мыслей и чувств в душе Оленина. Под влиянием умиротворяющей прохлады и уюта в оленьем логове после утомительного блуждания по лесу Оленин охватывает чувство нераздельной общности со всем «божьем миром». Он задумывается над смыслом жизни, над вопросом смерти и бессмертия. Он жаждет вечного счастья и, обрадовавшись светлomu чувству, вызванному в нём любовью к окружающему, делает вывод, что счастье в том, чтобы «жить для других». Жить для других возможно . всегда, в то время как эгоистическое удовлетворение желаний не всегда возможно, — думают Оленин. Под влиянием наступившей темноты и одиночества чувство уюта и счастья уступает страху, ежеминутному ожиданию расчёта с жизнью. Но мысль Оленина, на мгновение соприкоснувшись со страхом смерти, вновь обретает своё первоначальное направление: «И стоит ли того, чтобы жить для себя, когда вот-вот умрёшь, и умрёшь, не сделав ничего доброго, и так, что никто не узнает». Кажется, для Оленина нет дороже убеждений о любви и самоотвержении. Но вот пришла любовь, и, уже любя Марьяну, чувствует Оленин себя «нераздельною частью всего счастливого Божьего мира». В прах рассеяна . этой любовью вся прежняя «египетская жизненная внутренняя работа», и сожаления нет об этом. «Самоотвержение — всё это вздор, дичь», — пишет Оленин, мечтая о счастье для самого себя.

Помимо подобных «саморазоблачений», обнажение духовной жизни героя достигается ещё авторским комментарием, разъясняющим скрытые иногда и от самого героя истинные мотивы его поведения. Например, прощаясь с друзьями, Оленин говорит об одном себе, не замечая того, что

другим не было это так интересно, как ему. Толстой по этому поводу замечает: «Человек никогда не бывает таким эгоистом, как в минуту душевного восторга». Или в другом месте: «Он давно знал, что почести и звание — вздор, но чувствовал невольно удовольствие, когда на бале подходил к нему князь Сергей и говорил ласковые речи».

Психологической характеристике героев в значительной мере подчинены бытовые картины и сцены в повести. В центре их — не внешнее описание самодовлеющих бытовых деталей, а описание бытовых картин, одухотворённых присутствием человека, характеристика жизненного уклада, обстановки, в которой живут и действуют герои и которая способствует более полному раскрытию их особенностей:

Таково, например, описание хаты, в которой жил Белецкий, — типичной казацкой хаты с красиво и изящно прибранными подушками, висящим на боковых стенах оружием, арбузами и тыквами под лавкой и староверческими иконами в углу. Эта обстановка столь же красноречиво говорит об устоявшихся нравах и обычаях казачества, как и расставленные на столе туалетные вещицы или брошенный на лавке шёлковый халат — о личности Белецкого, избалованного светского человека и богатого кавказского офицера, видящего в столичной жизни приятный отдых.

Ещё более красноречиво говорит о характере, занятиях и наклонностях её владельца хата дяди Ерошки, с разбросанным повсюду оружием, с убитыми фазанами на полу, с присущим Ерошке запахом пороха, вина и табака.

Большую роль в раскрытии содержания, в характеристике лиц играют пейзажи. Природа, изображённая в светлых, ликующих тонах, усиливает впечатление процветания станицы, объясняет чувство обновления, испытываемое Олениным. С той минуты, как Оленин «почувствовал» горы, «всё, что только он видел, всё, что он думал, всё, что он чувствовал, получало для него новый, строго величавый характер гор». Торжественный и возвышенный вид гор придаёт торжественность и возвышенность мыслям и чувствам Оленина. Под влиянием величавой красоты природы Олениным овладевает светлое, приподнятое настроение, — в нём пробуждается любовь к окружающему миру, он глубже постигает смысл и значение жизни. В лесной чаще, у оленьего логова, на Оленина вдруг «нашло такое странное чувство беспричинного счастья и любви ко всему, что он, по старой детской привычке, стал креститься и благодарить кого-то».

В толстовских пейзажах в конечном счёте отразился взгляд на природу простых крестьян, видевших в ней источник жизни, материальных и духовных благ общества. Пейзажи в «Казаках» искусно вкраплены в ткань произведения и, перемежаясь с описаниями быта, ярче оттеняют его. Образность, пластичность картин природы достигается богатыми изобразительными средствами языка Толстого.

Язык «Казаков» отличается простотой и естественностью, индивидуализацией и типизацией речи не только центральных, но и эпизодических персонажей. Так, например, индивидуализирована речь хорунжего, подделывающегося под «образованного» человека. Хорунжий говорит длинными, витиеватыми и непонятными периодами, с пропуском главного предложения, незаконченностью фраз, неправильным употреблением союзов и т. д. «Как вы есть благородный человек и как я себя могу понимать, что мы тоже имеем звание офицера и потому постепенно можем всегда страк-товаться, как и все благородные люди», — говорит он Оленину.

Используя народный элемент в речи своих героев, Толстой не шёл, однако, по линии натуралистического увлечения местными речениями.

У Толстого нет нарочитого уснащения речи местными словечками. Он вкрапывал в повествование отдельные восточные слова (аул, арба, бешмет, козырь, курпей, чихирь и др.) и казацкие термины (нянюка, мамука, крига, чапура и др.) лишь для придания ему этнографического колорита. Все диалектизмы, употреблённые в повести, строго необходимы и потому незаметны, не

выпячиваются при чтении повести, как это было в современной Толстому псевдокрестьянской беллетристике. Отбирая лишь существенно необходимые по ходу описания простонародные слова, Толстой дал художественно верное сочетание литературного и народного языков. Средствами своего живописного красочного языка Толстой создал истинно народные картины и сцены, истинно народные типы. «Все эти книги убиты Вами, все повести из простонародного быта нельзя читать без смеха после «Казачков», — писал Толстому Фет по прочтении повести. Народные типы, величавые и сильные, как сама природа, были Толстым изображены с присущим народу сознанием своей гордой силы. Героизация эта явилась результатом художественного изображения правды жизни, пристального изучения художником интересов, быта и психологии народной массы. Толстой в своей повести полностью ответил призыву Добролюбова «проникнуться народным духом, прожить его жизнью, стать вровень с ним, отбросить все предрассудки сословий, книжного учения и пр., прочувствовать всё тем простым чувством, каким обладает народ».

Р. Б. Заборова